

Н.Н. ЗАРУБИНА

Российский предприниматель в художественной литературе XIX - начала XX века

Художественная литература занимает в русской культуре особое место. По крайней мере до Октябрьской революции она была синтетическим явлением, выполнявшим одновременно функции философии, гуманитарного знания, общественно-политической трибуны. Литература осуществляла не только образное эстетическое отражение действительности, но и, что особенно важно, ее познание и осмысление (см. [Кондаков, 1997]). Поэтому позиция художественной литературы XIX - начала XX века по поводу того или иного социального и культурного явления может способствовать пониманию его характера и места в истории культуры. Это относится, в частности, к проблеме российского предпринимательства.

Положение о том, что купец и заводчик как субъекты социальных и нравственных отношений низко оценивались современной им интеллигенцией, стало почти общим местом в современной отечественной историко-филологической и социальной мысли. Однако для серьезной интерпретации этого мнения недостаточно просто суммы примеров, взятых из художественных произведений. Необходим основательный анализ тенденций развития русского общества и его духовной жизни. Он позволит проследить, во-первых, как формировалось отношение к предпринимательству, выявить, насколько та или иная оценка обусловлена идейной и общественной позицией автора произведения; во-вторых, определить реальную степень негативизма (или положительного отношения) творческой интеллигенции к предпринимателям, их профессиональной деятельности и моральному облику.

Практическая и ценностная рациональность в сознании российского общества

Гильдейское купечество составляло костяк делового мира, но не исчерпывало его социальный состав. Кроме него, хозяйственной деятельностью занимались помещики, крестьяне, представители фактически всех сословий и групп общества (включая монашество). Они формировали российское предпринимательство в широком социальном смысле слова и определяли своим поведением особый тип личности предпринимателя, возникающий вокруг него социокультурный уклад. Всех их объединяет отношение к миру, которое М. Вебер назвал "практической рациональностью", т.е. стремлением к

Зарубина Наталья Николаевна - доктор философских наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ.

достижению реального, осязаемого результата своей деятельности оптимальным, наиболее целесообразным и выгодным путем [Weber, 1951, S. 551]. В силу самого характера деятельности предприниматель ориентирован на расчет, руководствуется утилитарными соображениями - о пользе, применимости, пригодности. Хозяйствующий человек погружен в мир повседневности, в заботы о пропитании, о выгоде и прибыли. Ему некогда задумываться над этической и тем более духовной сущностью вещей и отношений. Он пользуется известной свободой практических действий, совершая их без оглядки на высшие духовные смыслы.

В противоположность предпринимателям творческая интеллигенция, как своего рода амальгама зеркала русской культуры, представляет совсем иной тип сознания. По классификации Вебера его можно назвать "ценностно рациональным", т.е. продиктованным ориентацией на воплощение неких нравственных, а также религиозных, идеологических и других ценностей, получающих соответствующее идейное обоснование [Weber, 1951, S. 551]. К тому же творческая интеллигенция дореволюционной России, как и предприниматели, по социальному составу была неоднородна - в нее входили и представители дворянства, и разночинцы, что также накладывало особый отпечаток на сознание.

Одна из важнейших тем литературы XIX - начала XX века - столкновение идеалов и стяжательства, дворянства и купечества, а также дворян-аристократов и дворян-предпринимателей. Оно раскрывается как трагический конфликт разных нравственных стандартов, разных шкал ценностей, по сути несоединимых.

Дворянству присуще нравственное сознание, названное известной польской исследовательницей истории морали М. Оссовской рыцарским этосом. Этот этос основан на сознании прирожденного благородства, престижном потреблении, патернализме, этике служения в государственническом и военно-патриотическом смыслах [Оссовская, 1987].

Дворянство вплоть до начала XX века старалось придерживаться в своем образе жизни принципов "благородной праздности" и "достойного содержания", требовавших демонстративного потребления и уклонения от "неблагородных" занятий. В "Китай-Городе" П. Боборыкина таков генерал без места Долгушин, предпочитающий праздную жизнь на взятые займы деньги работе у хозяина-купца [Боборыкин, 1988]. Таковы и персонажи "Вишневого сада", пожалуй, самые яркие и выразительные в этом ряду. Они вызывают сочувствие А. Чехова своей трогательной привязанностью к привычному образу жизни и обреченностью в столкновении с новым миром. Это столкновение тем более трагично, что сам его символ - купец Лопухин - вовсе не зол и бесчестен, он просто принадлежит совсем другому этическому космосу и поэтому непонятен и страшен для дворян. Торжество его практицизма неминуемо означает гибель очаровательного мира изысканных бездельников, которым остается только самоотверженное нежелание поступиться принципами.

Задолго до Боборыкина и Чехова подобную коллизию весьма рельефно изобразил Н. Гоголь во втором томе "Мертвых душ", с той лишь разницей, что носителем практической рациональности здесь оказывается не купец, представитель "третьего сословия", а дворянин, идеальный помещик Костанжогло. Он испытывает нескрываемое отвращение к разорившемуся Хлобуеву, приведенному в запустение прекрасное имение, но продолжающему на занятые в долг деньги давать обеды, "удовлетворяющие вкусу утонченнейшего гастронома", пустившему по миру собственных детей, но из последних сил "оказывающему покровительство, поощряющему всяких артистов" [Гоголь, 1984, с. 316]. В противоположность дворянскому престижному потреблению любой ценой, истинный предприниматель, встречающийся в русской художественной литературе, подчеркнута аскетичен, чужд роскоши, внешней демонстрации богатства, ненужных трат. Таковы Осетров у Боборыкина, Константин Бахарев у Д. Мамина-Сибиряка. В основе их аскезы - не гобсековская скупость и не какая-то высшая идея (как у пуритан), а простой рациональный

расчет и еще - отсутствие интереса к престижно-демонстративной стороне человеческих отношений.

Столкновение сибаритствующего дворянина с рациональным хозяином воспринималось думающими и чувствующими современниками болезненно и остро. Они осознавали, что дворянин-помещик, хозяин крепостных душ, в идеале не должен был быть индивидуалистом, преследующим только собственные эгоистические цели. С точки зрения русской этики служения [Зарубина, 1998] он являлся организатором сельскохозяйственного производства, осуществлял контроль за крестьянским тяглом и выступал в качестве посредника между крестьянами и государством. Поэтому истинный дворянин-предприниматель в первую очередь должен заботиться о создании условий для крестьянского труда: "В деятельности я твой первый помощник. Нет у тебя скотины, вот тебе лошадь, вот тебе корова, вот тебе телега... Всем, что нужно, готов тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не в устройстве и вижу у тебя беспорядок и бедность. Не потерплю праздности. Я затем над тобой, чтобы ты трудился" [Гоголь, 1984, с. 301].

Упадок помещичьих хозяйств, описанный Гоголем, свидетельствовал о распаде изначального нравственного стержня российского государства, этики служения, место которой занял не здоровый практицизм, оказавшийся редким явлением в дворянской среде, а "благородная праздность". Вместе с тем, этика государственного служения, столетиями бывшая ценностным стержнем Российской империи, сохраняла свою роль духовной основы критики практической рациональности, индивидуалистического стереотипа хозяйственной деятельности. С точки зрения этики служения, непонятны и практическая рациональность, и практицизм предпринимателей, и сама их забота о частном деле и прибыли, которая кажется или "низкой", приземленной, или эгоистической и потому враждебной обществу. Другое дело, что в самой дворянской среде этот этический идеал также неумолимо деградировал, что и отразили многочисленные литературные изображения коррумпированных чиновников, безразличных ко всему, кроме собственной выгоды в самом узком и эгоистическом смысле этого слова.

Разночинная интеллигенция также ориентировалась на нравственные ценности, в ее случае на служение народу, и потому не могла принять ни эгоистических забот предпринимателей о прибыли и собственном деле, ни эксплуатации ими наемных рабочих и крестьян. С позиции ценностной рациональности деятельность предпринимателя лишена значения, поэтому даже при внешней полезности разрушительна и для общества, и для личности. Предприниматель выглядит нравственно неполноценным, и русские писатели нередко показывают его личностную деградацию, сопутствующую развитию и процветанию дела. Образцы такого плана наиболее выразительно представлены у М. Горького в "Деле Артамоновых" (Петр Артамонов) и в "Угрюм-реке" В. Шишкова. Герой "Угрюм-реки" Прохор Громов утверждает: "Идея - плевок, идея - ничто, воздух. Сбrehнул кто-нибудь, вот и идея... Идея тогда вещь полезная, когда я одену ее в мясо, в кости. Сказано - сделано! Вот - идея! А остальное все - мечты, обман..." [Шишков, 1982, с. 681]. Все грандиозные деяния Прохора - освоение дикого края, построенные заводы, поселки, дороги - не имеют никакого позитивного смысла, потому что предназначены не для улучшения жизни людей и не для воплощения некоего высшего благородного замысла, а для обогащения и прославления хозяина, сходящего в конце концов с ума под невыносимым грузом бессмысленного дела. Горький обходит вопрос о том, что же выпускает фабрика Артамоновых (лишь из контекста ясно, что это текстильное производство, наиболее типичное для центральной России конца XIX - начала XX века). Зато постоянно подчеркивается, что для Петра Артамонова его собственное дело - тяжкое бремя, смысла которого он не понимает и от которого жизнь превращается в тягостное забытьё: "Иногда, уставая от забот о деле, он чувствовал себя в холодном облаке какой-то особенной, тревожной скуки, и в эти часы фабрика казалась ему каменным, но живым зверем... морда у него тупая, страшная, днем окна светятся, как ледяные зубы, зимними вече-

рами они железные и докрасна раскалены от ярости. И кажется, что настоящее, не скрытое дело фабрики не в том, чтобы наткать версты полотна, а в чем-то другом, враждебном Петру Артамонову" [Горький, 1960, с. 71]. Сам зачинатель семейного дела Артамонов-старший, яркий пассионарий, погибает у Горького символической смертью - он раздавлен котлом, т.е. нечеловеческой тяжестью собственного предприятия, враждебного даже своему создателю.

Мещанское и предпринимательское начала в русской культуре

Само по себе обустройство материального мира, его осязаемое обогащение и украшение, творимое предпринимателями, вызывало восхищение лишь у немногих русских писателей. Сочно описывает кипение деловой жизни купеческой Москвы Боборыкин в самом начале "Китай-Города". Здесь все движется, дышит энергией и инициативой, "деньги, векселя, ценные бумаги точно реют промежду товара в этом рыночном воздухе, где все жаждет наживы, где дня нельзя продышать без того, чтобы не продать или не купить", а уж "рост капиталов и продуктов" чувствуется в самом воздухе [Боборыкин, 1988, с. 26]. Гоголь ярко описывает удивительный порядок и рациональное устройство имения Костанжогло, где "даже мужичья свинья глядела дворянином" [Гоголь, 1984, с. 290].

Для того чтобы вызвать симпатию русского интеллигента прошлого века, одного богатства и рационального устройства материальной жизни недостаточно - сама по себе практическая рациональность вне ценностной и эмоциональной стороны бытия в русской культуре вызывала лишь неприязнь. Характерный пример: серьезный и даже местами пафосный стиль изложения свидетельствует об искреннем восхищении Гоголя идеальным помещиком-предпринимателем Костанжогло. А вот при описании вполне крепких и устроенных хозяйств Собакевича и Коробочки чувствуется та же ирония, с которой он описывает характеры этих персонажей. Почему же эти помещики при всей их практической сметке несимпатичны Гоголю? Ведь они хозяйственной рачительностью мало чем отличаются от любимого автором Костанжогло. Можно предположить, что это вызвано их мещанским, без размаха и инициативы отношением к хозяйству. Они заняты делом не потому, что любят его, а просто по привычке.

Тип хозяев, представленный Гоголем в образах Собакевича и особенно Коробочки, ближе всего к тому, который В. Зомбарт назвал "мещанским типом", составляющим инертную основу предпринимательства. Исповедуемые им жизненные принципы - "мещанские добродетели" [Зомбарт, 1994, с. 84] - предполагают осторожность, бережливость, стабильность, умение извлекать прибыль из любой мелочи. При этом им чужды широкий деловой размах, смелая инициатива, для них хозяйство - средство к жизни, а не сама жизнь, необходимость и привычка, а не сознательный выбор и страстное увлечение. Естественно, что хозяин-мещанин с его узким практицизмом настолько далек от ценностного идеала, что никак не может рассчитывать на симпатии творческой элиты. Он вызывает лишь жалость, смешанную с легким презрением, да насмешки. Правда, не провоцирует и подлинной ненависти - по причине своей ничтожности. Он, по большей части, вообще остается за пределами серьезного творческого рассмотрения, прочно занимая место мишени для сатириков и юмористов.

Предприниматель, действительно в полный рост отразившийся в зеркале русской культуры, помимо практической рациональности, обладает яркой личностью, сильным характером, инициативой. Хотя за хозяйством не стоит для него никакой высшей ценности, вроде религиозной или гуманистической (см. подробнее [Зарубина, 2001]), именно в хозяйстве он находит способ самовыражения и предается ему со всей возможной страстью. Гоголь вкладывает в уста Костанжогло пламенную исповедь в любви к хозяйству: "Да я и рассказать вам не могу, какое удовольствие. И не

потому, что растут деньги, - деньги деньгами, - но потому, что все это - дело рук твоих; потому, что видишь, как ты всему причина и творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилие и добро на все. Да где вы найдете мне равное наслаждение?" [Гоголь, 1984, с. 304]. Этот тип хозяйствующей личности можно соотнести с чистым "предпринимательским духом" Зомбарта, который вместе с "мещанским" образует "дух капитализма", являясь при этом его творческой, активной, пассионарной составляющей. "В пестрой ткани капитализма мещанский дух составляет хлопчатобумажный уток, а предпринимательский дух есть шелковая основа" [Зомбарт, 1994, с. 19].

Подлинный предприниматель в русской художественной культуре - это человек, соединяющий в себе практическую рациональность дельца со страстной натурой. Таким образом, он изначально несет в себе трудноразрешимое противоречие рационального и эмоционального - источник постоянного внутреннего конфликта и многих как позитивных, так и негативных черт характера, стереотипов поведения, особенностей взаимоотношений с обществом.

Прежде всего, предпринимателю присуща вера в свою способность изменить мир к лучшему - не ради реализации какой-то абстрактной программы, ценности, утопии, а из самой жажды деятельности, из желания того, чтобы плоды его трудов остались на земле и люди заметили и запомнили бы его. Зачинатель дела Артамоновых, вчерашний крепостной, напутствует сыновей: "Большое украшение хозяйства земли должно изойти от нас, Артамоновых" [Горький, 1960, с. 43]. Его фабрика еще только закладывается, а он уже верит, что все будет так, как требует его дело: мужики станут сеять для него лен, город, который встретил его почти открытой враждебностью, примет и полюбит, будет и новая церковь, и школа, и больница... Прохор Громов, вступая в большую жизнь, заявляет, что он "проложит широкие дороги, оживит этот мертвый край, разделает поля, а главное - схватит вот этими руками реку и выправит ее всю, как тугие кольца огромного удава. Обязательно, обязательно все будет так" [Шишков, 1982, с. 70].

Этим деятельным натурам присуще всепоглощающее трудолюбие, которым не отмечены ни представители благородного сословия, ни хозяева-мещане, ни даже простой народ, для которого труд - не дело свободного выбора, а жизненная необходимость. Лучшие представители предпринимательского сословия сами входят во все детали своего дела, готовы ради него на любые усилия, независимо от его "престижности" или соответствия статусу. Артамонов-старший "работал напоказ, не скрывая своей цели: воодушевить детей страстью к труду. - Все делайте, ничем не брезгуйте! - поучал он и делал много такого, чего мог бы не делать, всюду обнаруживая звериную зоркую ловкость" [Горький, 1960, с. 46]. Всегда в работе Прохор Громов, идеальный гоголевский помещик Костанжогло и любимый герой П. Мельникова-Печерского, крестьянский самородок, владелец токарного производства и крупный подрядчик Патап Чапурин [Мельников-Печерский, 1956].

Особенно ярко проявился пассионарный тип предпринимателя в пореформенные годы XIX века, когда на общественную арену вышли новые люди - в своем роде "новые русские". Только что освободившиеся от крепостной зависимости, они искали свое место в обществе, причем место, соответствующее их силам, талантам, навыкам, так как понимали, что достойны многого. Сделав задел в период крепостничества, они жаждали развернуться во всю ширь, видели, что настает их время, верили, что утрачивают значение прежние сословные преграды, и все решают только собственные качества человека.

Общество встречало их настороженно и неприязненно, поскольку они выпадали из всех сословных, культурных, корпоративных рамок. Причиной общественного неприятия оказались не какие-то особенно дурные качества, бесчестие, корысть, жестокость (этого хватало среди всех сословий!), а именно то, что мы называем темпераментом, активная позиция, энергия и инициатива, влекущая за собой экспансию во

все сферы общественной жизни. К удаче, к способностям, интересу к жизни (на фоне полусонного прозябания дворянства) испытывали зависть, а то и враждебность.

Нравственный облик предпринимателя

Образ предпринимателя наделялся противоречивыми свойствами, причем положительные часто перекрывались, затемнялись отрицательными. Одной из причин такого противоречия было то, что истоки предпринимательского успеха, витальности и энергии деловых людей русская культура усматривала в неразборчивости в средствах достижения целей. Люди, движимые страстным желанием сделать реальное дело, часто оказываются неспособными устоять перед соблазном "ускорить" его с помощью обмана, коррупции, подлога. Да и рамки законности, морали, повседневных добродетелей часто оказываются узкими для активной личности, которая к тому же не отягощена идеями и ценностями. Персонаж Мамин-Сибиряка Привалов, стремящийся соблазнить мораль даже в борьбе за свои заводы, в конце концов вынужден закрыть глаза на подкуп его поверенным Веревкиным чиновников и дам полусвета. Веревкин убежден, что "не бросать же заводы псу?! Геройствовать-то с этой братией не приходится; они с нас будут живьем шкуру драть, а мы будем миндальничать. Нет, дудки!.. Нужно смотреть на дело прямо: клин клином вышибай" [Мамин-Сибиряк, 1979, с. 342]. Деловой мир часто предстает в русской литературе как конфликтная и конкурентная по своей природе среда, располагающая человека к отступлению от нравственных норм.

Нарушения моральных норм часто превращаются из вынужденного соблюдения "правил игры" в неразборчивость в средствах, а затем в отрицание морали в практических делах. Прохор Громов прямо утверждает неприменимость моральных категорий к оценке своих грандиозных замыслов и деяний: "Они оценивают мои дела снизу, я - с башни. У них мораль червей, у меня крылья орла. Мораль для дельца - слюнявство. Творчество - огонь, а мораль - вода. Либо созидать, либо философствовать... На победителя нет суда, победитель всегда прав" [Шишков, 1982, с. 352].

Это свойство предпринимателя ярко отразилось в русской художественной культуре, преломилось в представление о тесной и прямой связи богатства и преступления. В основе состояний многих описываемых в художественных произведениях предпринимателей лежат деньги, нажитые темными делами или оставшиеся от предка, совершившего тяжкие преступления. Герой "Приваловских миллионов" Игнатий Ляховский "свое состояние нажил в Сибири какими-то темными путями. Одни приписывали все краденому золоту, другие - водке, третьи просто счастью". Да и наследственные богатства самого Привалова имеют сомнительные источники [Мамин-Сибиряк, 1979, с. 81]. Прохору Громову капитал достался от деда Данилы, который был настоящим разбойником и "не одну душу загубил". Дед Марка Смолокурова из хроники Мельникова-Печерского "На Горах" промышлял фальшивомонетничеством. Таких примеров можно найти множество. Лишь принципиально положительные, "показательные" персонажи-предприниматели, вроде Чапурина и Колышкина у Мельникова-Печерского, Костанжогло и Муразова у Гоголя, Осетрова у Боборыкина наживают состояния без мошенничества и явных преступлений, честным трудом, энергией и предприимчивостью.

Однако связь предпринимательства с нарушением моральных норм и даже с преступлениями отмечалась везде, а не только в дореволюционной России. Эта проблема осмысливается не только художественной культурой, но и нравственной философией в различных теориях этики предпринимательства. На фоне либеральных рыночных теорий получила распространение концепция саморегуляции моральной сферы бизнеса, считающая нарушение определенных норм делового поведения просто невыгодным. В то же время сама природа рыночной конкуренции и предпринимательства такова, что эта среда на деле постоянно воспроизводит предпосылки нарушения нравственности. Включение этического измерения в деловую жизнь опре-

деляется прагматическими мотивами: когда оно полезно для дела и выгодно, тогда приверженность нравственным ценностям воплощается в ее практике, а когда нет - этика остается пустой декларацией. Поэтому обеспечение высокого нравственного уровня деловой жизни зависит не только от самих предпринимателей (т.е. людей, ориентированных, прежде всего, прагматически), но и от уровня нравственности в обществе в целом. Практически везде существует нелегальный криминальный и полукриминальный бизнес, не только аморальный, но и преступный. Однако в условиях экономической и политической стабильности, устойчивой системы ценностей и норм поведения этика делового мира также поддерживается на высоком уровне [Зарубина, 1998].

Этому немало способствует публичная критика аморального предпринимательства, в том числе и в художественной литературе. Отражая жизнь общества, она формирует положительные личностные и поведенческие образцы. Поэтому можно сказать, что, хотя критика предпринимательства в русской художественной культуре XIX - начала XX века и вызывала у некоторых представителей делового мира чувство обиды¹, она сыграла весьма важную роль в повышении его морального уровня и формировании ориентации на социальное служение как поддерживаемый обществом позитивный поведенческий стандарт.

Повседневная жизнь делового человека требовала внешней демонстрации особых качеств, которые Зомбарт назвал "моралью для дела": "Отныне становится выгодным (из деловых соображений) культивировать известные добродетели или хотя по крайней мере носить их напоказ, или обладать ими и показывать их. Эти добродетели можно объединить в одном собирательном понятии: мещанская благопристойность" [Зомбарт, 1994, с. 99]. Выгодным было иметь репутацию благонадежного, степенного и религиозного человека. Бытовая и домашняя повседневная жизнь предпринимателей как раз и подчинялась этим принципам, причем сутью была именно внешняя демонстрация названных добродетелей. Тайное отступление от них строго не преследовалось, в то время как явное нежелание им следовать, открытое нарушение каралось немедленно и жестоко. Такое ханжеское отношение к повседневной морали искренне осуждалось обществом, что отразилось в том числе и в сопоставлении образов искренней в поступках и чувствах Катерины и тайной распутницы Варвары в драме А. Островского "Гроза" [Островский, 1955].

Мещанская благопристойность в русском купеческом быту XIX века проявлялась и в его застойной патриархальности, нарочитом консерватизме, жесткости личных отношений, и в методах воспитания детей, описанных, в частности, в детских впечатлениях героя чеховской повести "Три года" Алексея Лаптева [Чехов, 1957, т. 7]. В мещанской семье энергия и внутренняя сила ее главы могли проявляться в деспотизме и домашнем тиранстве. Образы такого "темного царства" и утвердились по большей части в исторической памяти. Однако она знает и иные, теплые и душевные, уютные картины, нарисованные И. Шмелевым в "Лете Господнем" и "Богомолье". Здесь порядок, послушание, почтение к старшим, религиозность и строгое соблюдение обрядов вырастают из наивной веры в Бога и в то, что такой порядок вещей - единственно возможный и правильный [Шмелев, 2000].

Однако внешне благопристойное и добродетельное течение жизни русского предпринимателя более или менее регулярно прерывалось знаменитым купеческим разгулом. Его предпосылкой русская литература называет витальность, жизненную активность предпринимателя. Постоянная деловая сосредоточенность, расчет, скука и бесцветность купеческого повседневного быта приедаются активной натуре. Ее эне-

¹ Московский потомственный купец и общественный деятель П. Бурыйкин в своих воспоминаниях, опубликованных в Нью-Йорке в 1954 году, писал о том, что "купечеству перепадало и справа, и слева. Даже цыгане пели: Московское купечество / Изломанный аршин, / Какой ты сын отечества, / Ты просто сукин сын" [Бурыйкин, 1990, с. 21].

ргия требует хотя бы временного выхода. Тогда можно отбросить соображения практической рациональности и сорить деньгами, отойти от стереотипов степенного делового человека и предаться самым странным и нелепым развлечениям... Но в то же время у хорошего купца даже самый самозабвенный разгул никогда не вредил делу: "Гуляй, Кузьма, да не теряй ума!" [Горький, 1960, с. 165]. Алексей Артамонов объясняет брату: "Это - не от распутства, это - от избытка силы! Конечно, люди пожилые, даже старики, а озорство у них, как у мальчишек, да ведь мальчишки-то озоруют тоже от силы роста" [Горький, 1960, с. 167].

Ярмарки занимали особое место в русской деловой жизни, поскольку совмещали в себе крупные и серьезные коммерческие операции и купеческий разгул (особенно этим славилась Нижегородская ярмарка). Происходил своего рода выход за рамки обыденного в квазикарнавальную стихию, выплеск энергии, когда практическая рациональность на время полностью "сдавала позиции" жизнелюбивой части натуры русского предпринимателя.

Мещанским проявлением купеческой разгульной стихии были домашние праздники с приглашением близких и дальних родственников партнеров и конкурентов, духовенства и чиновников. Они преследовали как цели откровенной демонстрации богатства, так и поддержания патерналистских связей с возможными покровителями и нужными людьми, а также приказчиками, работниками. Стиль таких празднеств мог быть разным - от умеренного, почти интеллигентного, как описываются семейные торжества в "Лете Господнем" Шмелева, и чинно-патриархального застолья в хронике Мельникова-Печерского "В Лесах", до дикого обжорства в доме Петра Громуву ("Угрюм-река"), имеющего цель не накормить гостей, а "анбицию" показать [Шмелев, 2000; Мельников-Печерский, 1956; Шишков, 1982].

Предприниматель и общество: наступление на дворянство

По мере роста экономической силы и влияния предприниматель совершает экспансию в иные сферы общественной жизни, претендуя на "чужие" социальные ниши и затрагивая интересы других слоев населения, ломая устоявшиеся системы межличностных отношений. И эта экспансия, а самое главное - ее субъект, сам предприниматель, вызывает неприкрытую неприязнь и попытки сопротивления, впрочем, безуспешные.

Взаимоотношения предпринимательства и дворянства ярче всех из русских писателей отразил Боборыкин. В его публицистике и беллетристике осмысливается "наступление" купца. Он констатирует, что уже в 70-е годы XIX века купечество стало определять не только хозяйственную, но и общественную жизнь Москвы: "Купец тут снизу, сверху, со всех сторон. Он и круг, и центр московской жизни. Вы можете его получить под всеми флагами и соусами. И с этим все уже настолько свыклись что никто, вероятно, и не воображает Москву без купца. В сущности, это даже и естественно, потому что купец есть органическая часть Москвы, - ее рот, ее нос, ее начинающие прорезываться зубы. В Москве вы ни шагу не сделаете без купца. Он и миткалем торгует, и о категорическом императиве хлопочет" [Боборыкин, 1881, с. 378].

Процесс социального утверждения деловых людей противоречив как сама их натура и как ценностные ориентации пореформенного русского общества. Дворяне и вообще образованные люди относились к ним с плохо скрываемым презрением ("Купец верх раздражал") - за простонародное происхождение, необразованность, неумение себя держать, за погруженность в "низкие" практические дела. То, что эти люди своим умом, энергией и талантом выбиваются из бедности и убожества, что они способны работать не только для себя, но и для общества, вовсе не говорит в глазах высшего и образованного сословия в их пользу. Наоборот, их за это же и презирают, и уж в любом случае не считают равными себе. В "Китай-Городе" Боборыкина есть

характерный трагический персонаж, богатый предприниматель-самородок Евлампий Григорьевич Нетов. Он талантлив, порядочен (во всяком случае, в романе ничего не говорится о его нечестности), деловит, способен на любовь и благородство, но это не делает его ни уважаемым, ни любимым. Наоборот, его стремятся сломать, перевоспитать, внушают ему "чинобесие", несвойственную светскость, необходимость общественной деятельности, славянофильство и прочие модные нелепости.

Вместо того, чтобы гордиться своими достижениями и полностью сосредоточиться на своем деле, Нетов жестоко страдает от разнообразных комплексов и стремится проявить себя в незнакомых и непривычных ему занятиях - дискуссиях славянофилов и западников о судьбах России, в общественных мероприятиях, и выглядит неизменно смешно и жалко. Достоинство и самооценку российского торгово-промышленного сословия ему доказать не удастся, он становится глубоко несчастным, чувствует постоянно собственную несостоятельность и зависимость от чужого мнения: "Все есть и впереди еще многого можно добиться, и в крупном чине будет, и дворянство дадут, и через плечо повесят, может через каких-нибудь два-три года. Но он страдалец... Разве он господин у себя в доме?... Смеет ли поступить хоть в чем-нибудь как сам желает?... Да и уверенности у него нет. А ведь он не дурак!.." [Боборыкин, 1988, с. 109]. Конец Нетова символичен и страшен - он попадает в сумасшедший дом, так никому ничего не доказав и растратив впустую свои способности и энергию.

По Боборыкину, центр интеллектуальной жизни Москвы - в университете на Моховой. В отличие от купеческого Китай-Города, Моховая принадлежит дворянству, благородному, возвышенному, идейному сословию. Но дворянство, презирав купца и его дела, само в массе своей проявляет полную апатию, неспособность ничем серьезно заняться, отсутствие не только энергии, но и интереса к жизни. Напротив, деятельное и уязвленное в своих социальных позициях предпринимательство стремится к образованию и начинает осваивать научную работу и постепенно "захватывать" и интеллектуальный центр Москвы: «Дворяне, культурные люди, люди расы с другим содержанием мозга и не могут стряхнуть с себя презренной инертности... А тут - тятенька торговал рыбой или "пунцовым" товаром каким-нибудь, или пастилу мастерил, а сынок пишет монографии о средневековых цехах или об учении Гуго Гроция. Обидно!» [Боборыкин, 1980, с. 377]. Часто попытки купцов приобщиться к интеллектуальной деятельности в художественных произведениях преподносят в нарочито карикатурном виде, подчеркивая несостоятельность попыток малообразованных людей рассуждать о высоких материях, неуместность их рассуждений, лишенных стиля и глубокой идеи. Таковы полубредовые статьи несчастного Нетова, статья о "Русской душе" Федора Лаптева ("Три года" Чехова), написанная "скудно, бесцветным слогом, как пишут обыкновенно неталантливые, втайне самолюбивые люди" [Чехов, 1956, т. 7, с. 487-488]. Неталантливым, неуверенным и жалким изображен в "Китай-Городе" "магистрант из купцов", защищающий диссертацию в университете. Но он все же сделал реальное дело, а подсмеивающиеся над ним высокомерные, гордящиеся наследственной культурой и образованностью дворяне способны лишь на критику.

Как им ни обидно, социальную и культурную экспансию купечества остановить невозможно. Горький в "Деле Артамоновых" вкладывает в уста Алексея рассуждение о необходимости широкого образования и активной позиции в самых разных сферах общественной жизни: "Купечество должно всему учиться, на все точки жизни встать... Он очень долго и красноречиво говорил о том, что дети купцов должны быть инженерами, чиновниками, офицерами. - Все это в дом, а не из дома. Ты пойми, наше сословие - главная сила" [Горький, 1960, с. 166].

Наиболее активные представители дворянства стремятся к реваншу на деловом поприще и не без успеха входят в торгово-промышленный мир, чтобы привести свое экономическое положение в соответствие с представлениями о социальном статусе и культурном превосходстве. Идеал Боборыкина - именно такой образованный благородный человек, наделенный в то же время энергией и деловой хваткой потомст-

венного купца. Таков Вадим Павлович Осетров - "университетский кандидат, до всего дошел своим умом, знанием, безупречной честностью".

Однако свойственное дворянам презрение к купечеству и чувство собственного превосходства порождало у многих из них ощущение вседозволенности, именно его жертвой оказывается другой герой "Китай-Города" Палтусов. Он стремится войти в деловой мир с грандиозным замыслом изменить его социальный облик: «Явится он, Палтусов, а за ним и другой, и третий - люди тонкие, культурные, все понимающие, и почнут прибираться к рукам этот купецкий "город", доберутся до его кубышек, складов и амбаров, настроят дворцов и скупят у обанкротившихся купцов их дома, фабрики, лавки, конторы» [Боборыкин, 1988, с. 43]. Но ради исполнения своей мечты "тонкий культурный человек" легко поддается соблазну быстрого обогащения и идет на аферу, оказываясь не только не лучше, но даже и хуже деловых людей без социальных амбиций ("Знамение времени, жажда наживы, злость бедных и способных людей на купеческую мощь. Это неизбежно, но нельзя же выставлять себя на суде героем потому только, что я на чужие деньги пожелал составить себе миллионное состояние", - говорит отказывающийся защищать Палтусова адвокат) [Боборыкин, 1988, с. 370]. Он нарушает не только принципы деловой этики, но в конечном итоге вынужден отступить и от дворянского кодекса чести, используя влюбленную в него женщину, чтобы выпутаться из уголовного дела.

Предпринимательство и народ: кормильцы или эксплуататоры?

Непростые и противоречивые отношения складывались у российского торгово-промышленного класса с народом - рабочими, крестьянами, кустарями, приказчиками - всеми теми, кто непосредственно участвовал в деловом предприятии.

Представители купеческого сословия в своем большинстве имели крестьянские корни и обычно их не скрывали, воспринимая успех как своего рода социальный рывок. Восторженный монолог Лопухина при покупке вишневого сада в этом смысле вполне типичен. Если смотреть на ситуацию его глазами, то желание "хватить топором вишневому саду", чтобы на этом месте началась новая жизнь, уже не кажется циничным [Чехов, 1956, т. 9, с. 449].

Основатели предпринимательских династий - вышедшие из народа сильные личности, распоряджаясь сотнями, а то и тысячами жизней, не отделяли себя от своих рабочих и были лишены барского презрения к ним. Илья Артамонов "заносчивости богача не приобретал, с рабочими держался просто, пировал у них на свадьбах, крестил детей, любил по праздникам беседовать со старыми ткачами, старые ткачи восхищались податливым хозяином, видя в нем мужика, которому судьба милостиво улыбается" [Горький, 1960, с. 52]. В "Лете Господнем" Шмелева также показаны вполне семейные отношения хозяина и его работников, особенно ярко они выступают в эпизоде с поднесением гигантского именинного калача с надписью "хозяину благому" [Шмелев, 2000]. Здесь отражается тот факт, что в пореформенные годы на русских предприятиях складывался патерналистский стиль управления. Однако, несмотря на сознательные попытки его поддерживать [Туган-Барановский, 1938; Рябушинский, 1994], к концу XIX века он стал уходить в прошлое, постепенно уступая место обезличенной купле-продаже рабочей силы.

Чувствуя свою принадлежность к народу, предприниматели возлагают именно на него свои надежды и с ним связывают планы на будущее. Алексей Артамонов говорит прямо: "Подумайте, какая неистощимая сила рук у нас, какие громадные миллионы мужика! Он и работник, он и покупатель. Где это есть в таком числе? Нигде нет! И не надобно нам никаких немцев, никаких иноземцев, мы все сами!". Русская литература свидетельствует, что энергичный, удачливый, но при этом честный и справедливый хозяин не был враждебен народу, воспринимался с сочувствием и

пользовался безусловным уважением. Героя хроник Мельникова-Печерского, организатора крупного кустарного производства Патапа Чапурина, происходившего из государственных крестьян, «по Заволжью никто без поклона не миновал; окольные мужики, у которых Чапурин посуду скупал, в глаза и за глаза звали его "наш хозяин". Доверие имел не в одном крестьянском обществе, но и в купеческом» [Мельников-Печерский, 1956, кн. 1, с. 17]. Такой предприниматель в критические моменты получает поддержку простых людей: когда у Чапурина случилась экстренная нужда в деньгах и он обратился к народу, ему "получаса не прошло, семь тысяч в шапку накидали". Аналогичный эпизод есть у Н. Некрасова в поэме "Кому на Руси жить хорошо?", когда крестьяне всем миром выручают справедливого владельца мельницы Ермила Гирина [Некрасов, 1999].

Противоречивость отношения предпринимателей к народу состоит в том, что, будучи близки к нему как никакое другое сословие, они одновременно являются его эксплуататорами, может быть, даже более жестокими, чем помещики. Хороший помещик своему мужику не враг, а плохой не всегда может справиться с сильными и самостоятельными крестьянами. С помещиком крестьянин всегда связан личными, патриархально-патерналистскими отношениями. Для предпринимателя же патернализм - лишь привычный внешний стиль управления людьми, по сути же его отношения с рабочими носят безличный характер покупки рабочей силы - взял от человека все, что можно, расплатился по минимуму, и никаких моральных обязательств.

Ярче всего тема отчуждения, враждебности и эксплуатации народа, т.е. рабочих предпринимателем, выражена у писателей, находившихся под влиянием социалистических идей, особенно у писавших в советские годы. Так, эта тема становится одной из центральных в "Угрюм-реке" Шишкова, который выводит Прохора Громова не только отъявленным эксплуататором, но и жестоким человеконенавистником, для которого люди - лишь инструмент осуществления его грандиозных проектов: "Рабочий - орудие обогащения, это освящено самой жизнью", "на людишек смотрю, как на навоз, как на грубую рабочую силу, необходимую для устройства земли, под нашим руководством, конечно" [Шишков, 1982, с. 598, 680]. Убедительности образа способствует и то, что Громова сопровождает ручной волк, который тоже боится своего хозяина, чувствуя в нем буквально сверхъестественную волю и злость.

В дореволюционный период среди предпринимателей было распространено представление, что они не просто богатеют за счет рабочих, но благотворствуют им, давая работу и заработок, возможность прокормить себя и семьи, и Прохор оправдывается так: "Упрекают меня, что я тиран для рабочих... А что им, чертям, еще надо? Сдохли бы без меня. Пять тысяч, кроме баб да ребят, всех кормлю, одеваю. Этого мало им, скотам?" [Шишков, 1982, с. 599]. Организаторская функция предпринимателя в его собственных глазах имеет гораздо больше значения и ценности, чем труд рабочих, поэтому он не чувствует себя связанным какими-либо обязательствами, не ощущает перед ними никакой ответственности. Громов не останавливается перед кровавой расправой с недовольными рабочими, для него вообще ничего не значит чужая жизнь. Однако нельзя не учитывать, что Шишков работал над романом "Угрюм-река" в 1920-1930-е годы и вывел в Прохоре Громе ненавистный классовый тип представителя буржуазии, подчеркивая ее хищнически-эксплуаторскую природу и аморализм, духовную опустошенность, асоциальность [Бутенко, 1933].

Русские писатели XIX века также осознавали факт эксплуатации, ужасного положения наемных работников на капиталистических предприятиях, сочувствовали им, но, в отличие от деятелей культуры социалистической ориентации, предлагали в качестве альтернативы не революцию, а сельскохозяйственный путь развития России с кустарной, а не фабричной промышленностью. Во второй половине XIX века этот вопрос особенно интенсивно обсуждался [Зарубина, 1998] и не мог не привлечь вни-

мания деятелей культуры. И Мельников-Печерский, и Мамин-Сибиряк считали причиной бедственного положения народа именно развитие индустриального капитализма, появление которого в России они объясняли неоправданным и невыгодным заимствованием у Запада данной формы производства. Мамин-Сибиряк вкладывал в уста своего героя Привалова следующее рассуждение: "А что касается русского заводского дела, я против него. Это болезненный нарост, который питается за счет здоровых народных сил. Горное дело на Урале создано благодаря только безумным привилегиям и монополиям, даровым трудом миллионов людей при несправедливейшей эксплуатации чисто национальных богатств, так что в результате получается такой печальный вывод: Урал со всеми своими неистощимыми богатствами стоил правительству в десять раз дороже того, сколько он принес пользы". Кроме того, безусловное зло фабричного производства видят в том, что оно плодит безземельный пролетариат, "который похуже всякого крепостного права" [Мамин-Сибиряк, 1979, с. 219, 221].

Распространено мнение, что фабричное дело приносит выгоду лишь хозяину, а для народа означает ухудшение материального положения и порчу нравов. Мельников-Печерский устами одного из героев своих хроник "В Лесах" говорит: "Фабричный человек - урви ухо, гнилая душа, а мужик - что куколь: сверху сер, а внутри бел... Грешное дело фабриками его на разврат приводить... Да и то сказать, что на фабриках-то крестьянскими мозолями один хозяин сыт. Не фабрики, кустарей по какому ни на есть промыслу разводить - вот что надо" [Мельников-Печерский, 1956, кн. 2, с. 155]. Кустари, как и крестьяне, глубоко втянуты в патерналистские социальные связи, в общину и семью, наделены землей и средствами производства, патриархальны, религиозны, наконец, имеют разнообразные источники дохода - от промысла и от сельского хозяйства, и потому не склонны к асоциальным выступлениям. Фабричные рабочие, напротив, воспринимаются с опаской и недоверием, как люди, лишенные корней и устойчивых социальных связей, а также моральных ценностей, и потому предрасположенные к бунтам. Как видим, предприниматель-фабрикант осуждается не только за эксплуатацию, но и за то, что насаждаемый им способ производства влечет за собой разложение привычных социокультурных устоев и рост нестабильности общества.

Сельскохозяйственное предпринимательство, связанное с патриархальным крестьянством, имеющим глубокие корни и общинную организацию, рассматривалось многими общественными деятелями и представителями культуры как наиболее подходящий для России путь развития, позволяющий сохранить народную душу и привычный образ жизни, наиболее полно раскрыть предназначение человека, ограждающий общество от социальных потрясений.

Попытки нравственной легитимизации предпринимательства: становление этики служения

Видя в эксплуатации рабочих одну из основных социальных издержек деятельности предпринимателей, русская культура наделяет лучших из них муками совести. У Мамин-Сибиряка дети золотопромышленника Бахарева, Константин и Надежда, искренне переживают за тяжкое, буквально каторжное положение рабочих на золотых приисках: "Мы живем паразитами, и от нашего богатства пахнет кровью тысяч бедняков". Миллионер Привалов "тысячу раз думал то же, только относительно своего наследства... Вас мучит одна золотопромышленность, а на моей совести, кроме денег, добытых золотопромышленностью, большой тяжестью лежат еще заводы, которые основаны на отнятых у башкир землях и созданы трудом приписных к заводам крестьян" [Мамин-Сибиряк, 1979, с. 132]. Часто такие муки совести не влекли за собой никаких реальных последствий. Так, Константин Бахарев хоть и не пожелал участвовать в управлении отцовскими золотыми приисками, но признавал, что они станут нерентабельными, если повысится оплата труда и улучшить условия жизни рабочих. Ситуация представлялась ему практически безысходной.

Выход из нее обнаружился к концу XIX века, когда стали понимать, что улучшение условий труда и быта рабочих за счет предпринимателя - в его же собственных интересах. Во-первых, как говорят Прохору Громову ("Угрюм-река") его жена Нина и инженер Протасов, "опасно обострять отношения с рабочими, это грозило бы фирме крахом", во-вторых, рабочие "из благодарности" будут работать лучше, и расходы на улучшение их положения все равно обернутся хозяйским барышом [Шишков, 1982, с. 557]. Так практическая рациональность оказывается адекватной формой осмысления и решения не только чисто деловых, но и социальных проблем.

Но по представлениям русской интеллигенции, проблемы такого рода должны решаться на уровне нравственных категорий сострадания, человечности, любви к ближнему, добровольного жертвования или социально-политических ценностей равенства и справедливости. Поэтому в практически-рациональной мотивации социальной защиты рабочих (явлении, в современном мире повсеместно признанном и распространенном) ей видится подмена этики расчетом. Это безусловно осуждается русским обществом, живущим ценностной, а не практической рациональностью.

Проведя анализ множества тем и сюжетов русской литературы XIX - начала XX века, в которых прямо или косвенно присутствует образ предпринимателя, я обозначу основные проблемы, связанные с тем, как этот образ воспринимает культура. Во-первых, это внутренняя коллизия предпринимателя как культурно-психологического типа, сочетающего два противоположных, конфликтующих начала: практическую рациональность с жизненной устремленностью. Во-вторых, это мировоззренческо-этическая проблема соотношения практической рациональности предпринимательства с доминирующей в культуре ценностной рациональностью.

В-третьих, это проблема взаимоотношений предпринимательства с другими классами и сословиями. Все данные проблемы - следствия того, что фигура предпринимателя неорганична русскому обществу, которое выдвигает на первый план необходимость его интеграции и обретения им устойчивой социокультурной идентичности. Видит ли русская литература пути решения всех этих проблем?

В литературе XIX - начала XX века формируется позитивный тип, "идеальный предприниматель" как модель идентичности, гипотетически релевантная русской культуре. Такой предприниматель-хозяин является носителем развитой деловой сметки в сочетании с энергией и волей к действию. При этом он безупречно честен, гуманен в отношениях с народом и (почти всегда) европейски образован или по крайней мере обладает природным умом и тактом. С таким предпринимателем связывают надежды на будущее процветание народа и справедливое устройство общества. Однако и сами авторы преподносят данный тип, скорее, как желаемый, нежели распространенный.

Реальное предпринимательство отразилось в зеркале русской культуры XIX - начала XX века как противоречивый поведенческий тип, не находящий места в обществе, проникнутом ценностной рациональностью и межличностными связями. И основная проблема не в том, что он сам по себе плох - жесток, аморален, эгоистичен и т.п. и именно этим отличается от других классов и сословий, а в том, что его ценности, цели, его жизненные стандарты выходят за рамки господствующей в обществе культуры. Ни добropорядочный мещанин, ни яркая личность ("капитан индустрии", который в Америке вызывал бы восхищение) не могли стать героями русской литературы, поскольку они выпадали из традиционной системы идеалов. "Положительные предприниматели" за редким исключением оказываются второстепенными и эпизодическими персонажами литературных произведений, предназначенными для того, чтобы издали показать идеал и оттенить несравненно более яркие "отрицательные" фигуры.

Трудности нравственной легитимации предпринимательства не являются особенностью русской культуры. В большей или меньшей степени с ними сталкиваются все общества. На Западе их преодолению в значительной степени способствовала протестантская этика, обеспечившая, как показал Вебер, и обусловленную универсальными религиозными ценностями мотивацию предпринимательской активности, и, одновременно, примирение остальных слоев общества с этой активностью на основании всеобщей методики рационального спасения и трудовой аскезы (Зарубина, 1997]. Что могло способствовать принятию русским обществом менталитета, характера и деятельности предпринимателей как нравственно оправданной и общепользней?

Представляется, что реально эти задачи решались через постепенное включение предпринимательства в ценностную систему этики служения [Зарубина, 2000]. Сначала то было широко распространенное увлечение благотворительностью и меценатством, демонстрировавшее, что частные капиталы служат не только эгоистическим интересам их владельцев, но и филантропическим и высоко духовным целям². На рубеже XIX-XX веков в российском обществе начало утверждаться представление о том, что развитие экономики, наращивание индустриальной и финансовой мощи страны, хотя и осуществляется в форме частной деятельности, служит также общему благу. Об этом говорили идеологи российского предпринимательства П. Рябушинский, А. Коновалов, их идеи подхватывались массовыми изданиями деловых кругов ("Биржевые ведомости", "Торгово-промышленная газета", "Русский труд", "Утро России"). Эти тенденции заслуживают особого рассмотрения.

Однако художественная литература отразила нравственную и общественную ценность предпринимательства не столь ярко, как публицистика. Причины этого видятся в том, что судьбы художественной литературы и публицистики в российской культуре были различны. Если литература выполняла синтетическую функцию описания, познания, формирования нравственных и мировоззренческих оценок действительности и в силу этого отразила различные идеологические и политические позиции, то публицистика, будучи уже по определению политизированным жанром, в России оказалась вовлеченной в столкновение различных общественных и политических сил [Кондаков, 1997]. При этом публицистика прямо формулировала те идеи, которые в литературе выражались в синкретичной и эстетизированной форме посредством художественных образов. В то время как демократическая публицистика устами Н. Добролюбова бескомпромиссно обличала "темное царство", литератор Боборыкин, экономист И. Бабст и другие следили за прогрессом торгово-промышленной жизни страны и подтверждали его позитивное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Благородство и щедрость "темного царства". Рыбинск, 1991.
Боборыкин Л.Д. Китай-Город. М., 1988.
Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.
Бурьшин П.А. Москва купеческая. М., 1990.
Бутенко Ф. "Роман о капитализме" // Литературный Ленинград. 1933. № 13.
Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1984.
Горький А.М. Дело Артамоновых. М., 1960.
Зарубина Н.Н. Модернизация и хозяйственная культура (М. Вебер и современные теории развития) // Социологические исследования. 1997. № 4.
Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.

² Благотворительная и меценатская деятельность русского купечества получила широкое и подробное освещение в отечественной и зарубежной литературе. В качестве примера можно привести [Боханов. 1989; Благородство... 1991; Ruckman, 1984].

Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации (Деп. в ИНИОН РАН 27.04.2000 № 55606).

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. М., 1979.

Мельников-Печерский П.И. В Лесах. Кн. 1-2. Горький, 1956.

Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. М., 1999.

Оссовская М. Рыцарский этос и его разновидности // Рыцарь и Буржуа. М., 1987.

Островский А.Н. Пьесы. М., 1955.

Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.-Иерусалим, 1994.

Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938.

Чехов А.П. Собр. соч. В 12 т. М., 1956-1957.

Шишков В.Я. Угрюм-река. М., 1982.

Шмелев И.С. Лето Господне. М., 2000.

Ruckman J.A. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations. 1840-1905. DeKalb, 1984.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tubingen. 1951.

© Н. Зарубина, 2003